

О.Г. Шостак

(Национальный авиационный университет, г. Киев, Украина)

ТЕОДИЦЕЯ ПО-ИНДЕЙСКИ: ХРИСТИАНСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ ЛУИЗ ЭРДРИЧ, ЛЕСЛИ МАРМОН СИЛКО И ДЖОРДАНА ВИЛЕРА

По мнению многих современных критиков, влияние христианства на творчество современных индейских авторов огромно, хотя вряд ли это влияние можно назвать позитивным. Одна из ведущих американских писательниц индейского происхождения Луиз Эрдрич заявила, что католицизм имел разрушительное влияние, поскольку он открыто атаковал духовные верования индейцев, навязывая чуждую им систему ценностей и разрушая их культуру. Кетрин Рейнвотер, авторитетная исследовательница творчества этой писательницы, описывала взаимоотношения церкви и поработанного народа как «конфликт, возникший между двумя системами верований и организацией общества», она подчеркивала, что концепция линейного времени, столь характерная для христианского вероучения противоречит цельному ритуальному времени индейцев. Для которых цикличность времени является основой их представлений о земле и месте человека на ней.

Америка в представлении многих пришельцев из Старого Света должна была стать Землей обетованной, своеобразным воплощением земного рая. Покорителям нового континента было совершенно невдомек, что земли, которые они так настойчиво пытались освоить уже были чьим-то домом. «Индейцы знали, что жизнь отождествляется с землей и ее ресурсами, что Америка была их раем, и они не могли понять, почему захватчики с Востока так настойчиво стремились уничтожить все индейское, включая саму Америку», – писал автор документального романа «Похороните мое сердце на Вундыт Ни» Ди Браун в 1970 году /2, с. 13/ (Перевод всех текстов с английского О.Ш.). Он называет период с 1860 по 1890 временем рождения большинства великих мифов Американского Запада, рассказов о ковбоях, торговцах мехом, золотоискателях, первых поселенцах и миссионерах, эрой невероятного разгула жестокости, жадности, храбрости, сентиментальности, чрезмерного изобилия и практически благоговейного почтения к идеалам личной свободы для тех, кто их уже имел. Именно в этот период была полностью уничтожена древняя культура и цивилизация коренных народов континента. Белый человек нес не просто новые орудия труда и охоты, он насаждал свое мировидение, свою религию. Ди Браун отмечает, что еще со времен первых посещений Колумбом островов Сан-Сальвадор местное население не сопротивлялось обращению в европейскую религию, но индейцы начали яростно противостоять, когда «орды этих бородатых чужаков начали уничтожать все на своем пути в поисках золота и драгоценных камней» /2, с. 2/. В восприятии многих христианство стало символом насилия и порабощения.

Современный канадский автор Джордан Вилер в своем цикле новел «Братья во оружии» называет церковь, наряду с алкоголем и смертельными болезнями, занесенными из Европы, одним из наиболее вредоносных факторов в индейской истории. И, тем не менее, христианская церковь и ее символы вошли в современную культурную традицию американских индейцев, что видно даже на примере заглавия упомянутого цикла новел. «Братья во оружии» имеет стойкую аллюзию с новозаветным обращением «братья во Христе».

Показательным является тот факт, что, не смотря на то, что Колумб открыл Америку в 1492, массовое обращение в христианскую религию коренных жителей континента наблюдалось лишь с конца 19 столетия. Произошло это только после четырех столетий отчаянного сопротивления, вследствие того, что привычная для них среда обитания была разрушена, охотничьи угодья разорены и бизоны наряду с более мелкой дичью, составлявшей основу экономики и культуры индейцев, начали исчезать. Не последнюю роль в этом процессе сыграла высокая смертность от оспы, гриппа и других заболеваний

Старого света, к которым у коренных жителей не было иммунитета. Умирали чаще дети и старики, вместе со старейшинами уходило и древнее знание, в то время как выжившее молодое поколение отбиралось у родителей и помещалось в специализированные школы. Образование в таких заведениях базировалось на запрещении говорить на родном языке и практиковать древний образ жизни предков, учителями там выступали монахины либо священники. Благодаря чему в сознании многих индейцев христианские служители церкви стали символом насилия и ограничений.

Все три заявленных писателя пишут о насилии со стороны служителей церкви над детьми в процессе школьного образования. Наиболее безапелляционной и жестокой при описании этих событий следует считать новеллу “Exposure” Джордана Вилера. Новелла не переведена ни на русский, ни на украинский язык, и следует подчеркнуть, что подобрать достойный перевод ее названию не так просто, название слишком многозначно и является многослойной аллюзией. Словарь предлагает огромное количество вариантов перевода, наиболее удачными, с нашей точки зрения, являются – обморожение, осознание пропасти, соприкосновение, внешнее воздействие, дефект, незащитность. Все они характеризуют состояние главных героев Криса и Мартина Моррисов, представителей племени кри. Когда их старший брат гибнет от брюшного тифа, которым он заразился в школе-интернате для индейцев, их отец спивается и гибнет от обморожения, провалившись в полыню. Мальчиков отправляют в интернат, хотя родители и обещали своему умирающему первенцу, что никогда не сделают этого. Подросток предупреждал, что в этом месте сначала отнимают достоинство, а потом жизнь. «Они ярко помнили, как Ральф описывал школу-интернат, когда они туда прибыли, оказалось, что все его слова – правда. Это было грустное, заброшенное место. Когда они впервые вошли туда, Мартин сказал Крису, что он боится. Монахиня, услышав это, ударила Мартина прутом по лицу за то, что тот заговорил на языке кри» /11, с. 161/. Запрет говорить на родном языке – только начало, в дальнейшем Мартин поддается и сексуальному насилию со стороны католического священника и даже родной брат отвернется от него, испытывая из-за этого к нему брезгливость. Брошенный всеми Мартин становится гомосексуалистом, заражается СПИДом и возвращается в родную резервацию умирать. Крис приезжает поддержать умирающего в последние месяцы его жизни. Они вдвоем отстаивают право на человеческое достоинство и самоуважение, право называться людьми и жить на родной земле в условиях, когда все соплеменники, включая родную мать, отворачиваются от них и пытаются силой прогнать из родного селения. Будучи абсолютно изолированными от соплеменников и окружающего мира, братья заканчивают ремонт родительского дома, в котором Мартину предстоит умереть. Отрезанный от своего мира и родных на протяжении всей своей недолгой жизни он желает «вернуться» к ним хотя бы после смерти. И соплеменники, отвергавшие его всю жизнь, сдаются, восхищенные силой духа смертельно больного человека.

В контексте данной новеллы Вилер говорит о христианстве и его атрибутах только в негативном ключе, даже не пытаясь смягчить свою позицию. Герои никогда не обращаются к христианскому Богу в минуты отчаяния, вместо этого рассказываются истории о большой зеленой змее, которая жила у воды. С христианской точки зрения этот символ противопоставлен Богу еще в книге Бытия, однако уже в Числах есть и иное его прочтение: «И сказал Господь Моисею: сделай себе змея и выставь его на знамя, и ужаленный, взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив» (Числа21:8-9). В Евангелии от Иоанна Иисус Христос сравнивает себя с этим змеем: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому» (Иоанна 3:14). В другом евангелии Иисус учит своих учеников «итак будьте мудры, как змии» (Матфея10:16). Речь, безусловно, идет скорее о типологическом совпадении, поскольку как подчеркивает другой канадский автор, представитель племени

кри, Томсон Хайвей, «европейская мифология говорит, о том, что мы сюда пришли для страдания; наша же мифология учит, что мы пришли, чтобы провести хорошо время, вот почему у нас такая оживленная и веселая речь» /1, с. 27/. Однако, если учесть стремление писателя к многосложности символики речи, о чем уже говорилось выше, можно предположить в этом случае и завуалированную христианскую аллюзию.

Важным является символика змея в ее гностическом контексте и в творчестве другой писательницы индейского происхождения Лесли Мармон Силко, которая походит из племени лагуна пуэбло. В ее романе «Сады в дюнах», одним из основных лейтмотивов которого становится гностическое представление о позитивной роли змея в истории сотворения мира, согласно которому, надмирная Мать, София-Пруникос для того чтобы воспрепятствовать деятельности своего сына-отступника Ялдаваофа, посылает змея "обольстить Адама и Еву, чтобы разрушить власть Ялдаваофа". Она достигла цели, оба вкусили от древа, "от которого Бог/т.е. Демиург нашей планеты/ запретил им вкушать. Но когда они вкусили, они познали запредельную власть и отвернулись от своих создателей". Это первый успех запредельного начала, противостоящего мирскому, жизненно заинтересованному в предохранении знания от человека как внутренне-мирового залога Жизни: деяние змея отмечает начало всего гнозиса на земле, которое таким образом посредством своего источника запечатлелось как противное миру и его Богу и в действительности как форма бунта» /6/. Традиционно, ищущие знаний называли друг друга «просветленными», в интервью, приуроченном к выходу этого романа в печать, писательница подчеркивала, что «писала она его для ищущих просветления, даже до конца не осознавая этого/3, с. 184/. Писательница объясняет, что стремление гностиков доверять голосу своего сердца в большей мере, нежели букве канонизированной Библии тесно перекликается с духовной традицией коренных народов Америки. Силко подчеркивает, что «наша природа, наш человеческий дух не желает признавать границ, мы значительно лучше и не такие уж мы разрушители» /3, с. 170-171/. Сама писательница открыто утверждает, что «это— гностический роман» /3, с. 186/.

Содержание гностического мифа сотворения света является настолько важным для Силко, что она включает его в текст романа с целью ознакомить своего читателя с его концепцией с помощью цитаты из коптских текстов:

После дня отдыха, София-Мудрость направила дочь свою Зою-Жизнь, что носила еще имя Ева, объяснив ей как воскресить Адама... Когда Ева увидела распластанного Адама, она с жалостью промолвила «Живи, Адам» Поднимись над Землей!» И немедленно ее слова исполнились. Адам поднялся и открыл глаза, когда он увидел ее, то сказал: «Ты будешь названа матерью живущих, потому что ты дала мне жизнь». ... Ибо она есть Целительницей и Женщиной, что дарует жизнь. ... Женский Духовный принцип вошел в Змею-учительницу, и она научила их со словами: «Вы не умрете, ибо просто из зависти Он сказал вам это. Вместо этого ваши глаза раскроются и будете вы подобно богам различать добро и зло» ... И надменный Правитель проклял Женщину и Змею» /10, с. 100/.

С помощью этой цитаты писательница иллюстрирует важный для нее постулат о несогласии с доминирующей ролью мужчин в современном обществе, а также отрицает важнейшее церковное понятие, на котором базируется вся современная теология, а именно понятие первородного греха как последствия познания человеком добра и зла. Сюзан Лундгвист в своем исследовании «Литература американских индейцев» подчеркивала, что «обычно, когда индейцы соглашались стать христианами, они делали это с целью модификации, чтобы исправить то, что было загрязнено. Представление о грехопадении как раз и относится к такого рода «загрязнениям», особенно все то, что касается природы человека и его отношений с окружающим миром» /8, с. 218/. Исследовательница опирается на авторитет теологов, которые утверждали, что «до прихода миссионеров коренные народы не имели теоретических

представлений о природе греха, ни о падении человечества, ни тем более о том, что начиная с рождения, каждый человек, в силу первородного греха, настроен творить зло. В те древние времена люди судили о себе не с точки зрения личной грозности, но исходя из чувства принадлежности к племени, через которое и устанавливались отношения с Богом-Творцом, соавторами, которого они являлись. Благодаря этому соблюдалось равновесие всего сущего. Бог создал гармонию и равновесие. Ответственность людей заключалась в сотворчестве с Богом и поддержании гармонии и равновесия во всем» /9, с. 218/.

Силко иллюстрирует это утверждение другой цитатой из гностических текстов, что составляют предмет академических исследований одной из главных героинь романа Хетти Палмер. В тяжелую минуту, стоя перед статуей Девы Марии с ребенком на руках, она вспоминает слова молитвы «Мать моя, Дух мой, – слова старых гностических евангелий всплыли у нее в голове. Ты, что стоишь вначале всего, Благодать, Мать Мистической Надмирной Тишины, – спустя месяцы забывая в мелкой могиле ее диссертация вновь говорила с ней. – Нетленная Мудрость, София, материальный мир и плоть есть приходящими – нет грехов плоти, поскольку дух есть во всем!» /10, с. 450/. Со слов исследовательницы творчества Силко и ее близкого друга, чье имя упоминается в посвящении к роману, Лауры Котелли, «не только Ева одарена творческой силой, но сама матриархальная духовность входит в змею. Что в свою очередь, дарует знание, интуицию, силу меняться и толерантность к разнообразию» /4, с. 186/. Концепции спасения либо проклятья, что тяготееют над изгнанниками из рая, противопоставляются сцены, которыми открывается и завершается роман. В них описаны сады в песках (прототип Эдема на земле), которые выросли благодаря стараниям женского божества – Песчаной Ящерицы, племянницы Дедушки Змея, в этом раю живут только женщины и дети. Роман имеет циклическую структуру, он начинается и заканчивается в этом саду, прекраснейшем месте на всей земле по мысли сестер Солт и Индиго. В поисках плененной белыми солдатами матери они вынуждены оставить свой рай, но сюда они стремятся вернуться на протяжении всего романа. Правда, в противовес библейскому раю, их изгнание добровольное, их божество не только не прокляло их, но и помогает им в их путешествиях. Рай не только не утрачен для своих жителей, он всегда ждет их.

В эпопее «Любовные чары» третьей писательницы индейского происхождения, представительницы племени чиппева Луиз Эрдрич, так же затрагиваются вопросы христианской веры и ее влияние на жизнь индейцев. Первый роман, по названию которого в дальнейшем стали именовать и всю эпопею, начинается со слов: «В утренний час, перед Пасхальным воскресеньем Джун Кашпо прохаживалась по неровной дороге главной улицы быстро растущего на добыче нефти городка Виллистон, Северная Дакота, для того чтобы убить время перед приходом полуденного рейсового автобуса, который отвезет ее домой» /5, с. 1/. С первого взгляда становится понятно направление движения героини, исходя из этого можно догадываться и о ее цели, но все же взгляд внимательного читателя улавливает и достаточно необычное время, избранное писательницей для начала своего романа – события происходят накануне Пасхального воскресения, примечательно и то, что прочитав главу, узнаем, что Джун так и не попала на свой автобус, замерзнув среди неожиданно выпавшего снега. Особое звучание в этой связи приобретает заглавие первой главы «Величайший в мире рыбак», перед нами прямая отсылка к евангельскому тексту, где так назван Иисус Христос. Вся глава изобилует евангельскими и пасхальными аллюзиями, среди таковых фигура Джун Кашпо: с одной стороны – она евангельская блудница, оставившая мужа и ребенка, погрязшая в плотских грехах, но она же является едва ли не святой, указывающей путь к избавлению для многих на страницах эпопеи. В конце главы Эрдрич уподобляет ее Христу: «Снег был очень глубоким в ту Пасху, таким его не видали на протяжении сорока лет, но Джун шла над ним, словно по воде домой» /5, с. 6/.

И хотя Джун в буквальном смысле никогда не добирается домой, направление ее движения дает ей возможность воскреснуть на страницах книги в воспоминаниях близких людей. А в дальнейшем и приобрести вторую жизнь на страницах романов “Дворец Бинго” и ”Сказки о жгучей любви», благодаря особой магии духа, которой обладает ее незаконнорожденный сын Липша, и чарам любви и памяти, живущих в душе ее второго мужа Джека Маузера. Потому, предвидя ее будущую жизнь с самого начала, писательница так описывает последний час ее жизни: «Даже когда пошел снег, она не утратила своего ощущения направления. Ее ступни занемели, но ее не беспокоило расстояние. Сильнейшие ветра не могли сбить ее с пути. Она продолжала идти даже тогда, когда ее сердце сжалось, и кожа стала хрустящей и холодной– это ничего не значило, поскольку чистая и обнаженная ее часть продолжала идти”/5, с. 6/.

Глава “Величайший в мире рыбак” тематически связана с одиннадцатой главой “Терновый венец”, где Горди, покинутый муж Джун, начинает пить и отправляется к названному отцу Джун, тот предлагает ему очищенное яйцо, Горди отказывается. Яйцо является символом жизни в дохристианской культурной традиции, в собственно библейском тексте подобных упоминаний нет. Но в романе “Любовные чары”, где каждый христианский символ имеет крайне амбивалентное значение, такой жест карается адом. Горди начинает пить, от пива переходит к вину. Измученный совестью и любовной тоской он выкрикивает имя Джун, тем самым вызывая ее дух к жизни. Для индейцев-оджибва это одно из величайших табу. “Никогда, никогда не называй мертвых по имени, говорила бабушка. Они могут ответить. Горди это хорошо знал”/5, с. 177/. Для того чтобы отпугнуть Джун, Гордон включает все мыслимые электрические приборы в доме, в результате чего происходит короткое замыкание, и он спасается бегством на машине. На лесной дороге он сбивает лань, которую надеется обменять на выписку. Багажник машины не открылся, и Горди решает поместить животное в салон машины на заднее сидение. Оказалось, что лань не погибла от удара, а только была оглушена, когда Горди увидел ее взгляд в зеркале заднего вида, это повергло его в благоговейный ужас. “Ее взгляд был черен, бесконечен и испепеляюще чист. Она смотрела сквозь него. Она вглядывалась во взволнованное и всклокоченное дерево в нем, трескучую погребушку из костей. Она видела, как он свил свой собственный терновый венец. Она видела как, несмотря на то, что он не заслужил этого, он втиснул это облегчение себе на бровь. Ее глаза вглядывались в какое-то потаенное место, хотя его они оттуда и изгоняли”/5, с. 180/. Не владея собой, Горди ударил лань гаечным ключом между глаз. Через мгновение ему показалось, что он убил Джун. Следует подчеркнуть, что все происходит после выпитого Горди вина, в церковной традиции – символ причастия, в то время как для индейцев – символа проклятия, уничтожения нации изнутри.

Привлекает внимание, что “воскрешение” Джун происходит согласно христианской традиции приблизительно через сорок дней после смерти. По мнению Роберта Гиша, смерть Джун накануне Пасхи приобретает особое значение в свете “распятия Горди в сумасшествии” и трагикомических утешений полуночной кларнетистки сестры Мери Мартин, которая идет к заднему сидению машины, ожидая увидеть мертвое тело его жены, и на какой-то миг видит его глазами Горди, “находя странную общность между мертвой оленихой на заднем сиденье с Горди и Джун(и ее собственным великим Спасителем, Величайшим рыболовом) со всем человеческим страданием и непреклонным, неизбежным приходом конца, поскольку каждый рожден смертным лишь с обещанием жизни после смерти и света, чтобы осветить этот путь” /7, с. 73/.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что избираемые писателями индейского происхождения приемы использования христианской символики ведут к разрушению транспортируемой семантики, что делается для того, чтобы таким образом продемонстрировать свое критическое отношение к маргинальной роли, навязанной культуре коренных наций Америки, со стороны мейнстримной белой культуры, которая представлена христианским вероучением.

Использованная литература:

1. Aboriginal Literatures in Canada: A Teacher's Resource Guide /Электронный ресурс/ / Renate Eigenbrod, Georgine Kakegamic and Josias Fiddler. – 2003. – 41 p. – Режим доступа:
<http://curriculum.org/storage/30/1278480166aboriginal.pdf>
2. Brown, Dee. Bury My Heart at Wounded Knee: An Indian History of the American West. – New York, Toronto, London: Bantam Books, 1971 – 459 p.
3. Conversation with Leslie Marmon Silko/ Ed. Ellen L. Arnold. – Jackson :UP of Mississippi, 2000. – 207 p.
4. Cotelli, Laura The Gardens of Memory Between the Old and the New World: “All Who are Lost will be Found”/ Laura Cotelli // Reading Leslie Marmon Silko: Critical Perspectives Through Gardens in the Dunes/ Ed. Laura Coltelli. - Pisa: Pisa UP, 2007. – P.185-206.
5. Eldrich, Louise. Love Medicine: Novel/Louise Eldrich. – New York, Toronto, London: Bantam Books, 1984. – 314p.
6. Jonas, Hans. The Gnostic Religion: The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity /Электронный ресурс/ / Hans Jonas. – Boston: Beacon Press, 1958. Режим доступа:
<http://psylib.ukrweb.net/books/jonas01/txt03.htm>
7. Gish, Robert F. Life into Death, Death into Life. Hunting as Metaphor and Motive in Love Medicine/ Robert F. Gist // The Chippewa Landscape of Louise Eldrich, edited by Allan Chavkin – Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1999. – P.66-82.
8. Lundquist, Suzanne Evertsen, Native American Literatures: An Introduction / Suzanne Evertsen Lundquist – N.-Y.-London, 2004. – 315 p.
9. Schultz, Paul and Tinker, George Rivers of Life: Native Spirituality for Native Churches / Paul Schultz and George Tinker// Native and Christian/ Ed. James Treat – N.-Y.: Routledge, 1996. – P.53-67.
10. Silko, Leslie Marmon Gardens in the Dunes/Leslie Marmon Silko. – Scribner Paperback Fiction Published by Simon and Schuster, 1999. – 480 p.
11. Wheeler, Jordan. Brothers in Arms. – Winnipeg, Manitoba: Pemmican Publications, Inc., 1989. – 223p.

SUMMARY

This article discusses the ideas of Christian God perception in the works of Native American authors such as Leslie Marmon Silko, Louise Erdrich and Jordan Wheeler. Christian symbolism manifested itself as productive narrative factor in the art of mentioned writers. Baseline of inter-textual meanings on this structural level became implicature, which might be viewed as part of higher formations, such as image system and plot. By transmitting Christian semantics upon authors' narrations it bounds their texts into unity. Christian motives and derivative images-composites play simultaneously inter-textual formation functions. Erdrich, Silko, Wheeler choose such inter-textual forms that expose tendency for disruption of transported Christian semantics. Using them in the reduced context they come up to their ironical understanding, through such literary methods they demonstrate their critical attitude toward mainstream “white” culture which is represented in the Christian religious doctrine.